

УДК 342.7

Из Сибири в Монголию, или Русские как меньшинство в условиях социалистической модернизации

А. В. Михалев

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

Работа посвящена изучению положения русскоязычного населения Монголии в период социализма. В статье проанализированы ключевые этапы формирования русской общины в МНР. Рассмотрены вопросы о правовом, политическом и гражданском статусе мигрантов. Исследование опирается на материалы опубликованных воспоминаний, а также на данные интернет-форумов, посвященных проблеме русских в Монголии. В работе также использованы материалы прихода Русской православной церкви в Улан-Баторе.

Ключевые слова: местнорусские, Монголия, идентичность, колонизация.

Первые русские поселения в долинах рек Онона, Орхона, Селенги и Тэс возникли еще в конце XIX в. Впоследствии идея русской колонизации Монголии как целенаправленной политики рассматривалась в Российской империи на заседаниях III и IV Государственной думы. После революции 1917 г. и всех перипетий Гражданской войны в России, из Сибири и Дальнего Востока началась масштабная эмиграция населения в Монголию и Китай (Маньчжурию) [8, с. 128–130], а установление четких границ СССР вытолкнуло русских колонистов за его пределы. Многие русские населенные пункты, находившиеся на спорных территориях, после определения границы оказались под юрисдикцией Монголии или Китая. Эти процессы в каждом конкретном случае имели свою политическую специфику.

Исследовательский интерес к данной теме вызван тем, что на примере Монголии можно проследить процесс трансформации гетерогенного сообщества мигрантов в некую однородную общность (местнорусских). Казаки, старообрядцы, старожилы Сибири, эмигрировав в Монголию, стали именоваться «местнорусскими» [20, с. 75]. Эти изменения определили характер «русского мира» этой страны: его мифологию, религию, быт. Мы рассматриваем наиболее интересный и малоизученный период формирования русской общины Монголии. Это отрезок времени с начала революции 1921 г. до заключения в 1966 г. «Договора (между СССР и МНР. – Прим. А. М.) о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи». После подписания этого соглашения в страну начался массовый приток советских специалистов, что изменило структуру и состав русскоязычного населения Монгольской Народной Республики (далее МНР. – Прим. А. М.). Основной целью данной работы является анализ развития русской общины в Монголии в первой половине XX в.: этапов формиро-

вания, идентичности русского населения, политического статуса и коллективной памяти.

История русской диаспоры в Монголии – предмет широкого академического интереса. Проблемы ее становления проанализированы в трудах В. Ц. Ганжурова, Е. М. Даревской, Н. Е. Единарховой, И. И. Ломакиной, Е. И. Лиштованного, А. В. Старцева. Помимо этого издано большое количество публицистических работ, авторы которых – деятели Православной церкви, журналисты, сотрудники дипучреждений РФ. Источниковой базой данного исследования послужили:

- материалы межгосударственных соглашений между Монголией и СССР/РФ;
- данные русскоязычной прессы Монголии («Новости Монголии», «Монголия сегодня», «Вестник центра Москва–Улаанбаатор»);
- опубликованные материалы дипломатических ведомств РФ;
- воспоминания и мемуары (в частности, размещенные в социальных сетях www.ulaanbaator.ru, www.mongol.su);
- материалы Русской православной церкви в Монголии (www.pravoslavie.mn, а также газета улан-баторского прихода «Троица»).

Этапы формирования русской общины в Монголии

Монголия в XX в. приняла три волны колонистов из России/СССР. Первую – еще до революции после реформ П. А. Столыпина и в связи с японской угрозой на Дальнем Востоке. Вторая волна пришла на 1920–1930-е гг. и была напрямую связана с коллективизацией в СССР и индустриализацией в МНР. Третья – в 1940–1950-е гг. – это преимущественно «власовцы» и другие заключенные, отбывавшие наказание в лагерях Монголии. Приток заключенных в послевоенное время был обусловлен двумя факторами: 1) строительством ключевой магистрали Улан-Баторской железной дороги; 2) потребностью добычи урана.

На протяжении 1920–1960-х гг. многие местнорусские находились в стране нелегально, а некоторые имели подданство еще Российской империи, как, например:

- жители села Хондом, основанного старообрядцами до революции;
- жители села Корнаковка, являвшиеся столыпинскими переселенцами;
- потомки казаков, несших пограничную службу и осевших в Алтан-Булаге [19, с. 131].

Когда в 1928 г. между МНР и СССР была оформлена демаркационная линия, русские села Булуктай, Ебицик, Жаргалантуй, Корнаковка, Хондом оказались на территории МНР [19, с. 132]. В 1930-е гг., спасаясь от голода, в Монголию бежали русские крестьяне в поисках работы на шахтах Налайха. Дело в том, что в 1932 г. в Бурятии случилось стихийное бедствие: уровень реки Селенга поднялся на семь метров. Это привело к неурожаю зерновых культур и срыву заготовок сена для скота, в результате в Бурятии начался голод. Многие семьи переехали жить в Монголию. В 1938 г. русские семьи переселяют из г. Алтан-Булак в Центральный аймак, в сомон Жаргалантуй с

целью развития земледелия и создания первых совхозов. Это семьи: Скуратовых, Алексеевых, Перельгиных, Брилевых, Лощенковых, Былиновских, Кулаковых, Шульгиных, Емельяновых, Чупровых, Арсентьевых, Дунаевых, Коротковых, Власовых, Вдовиных, Игумновых, Либошвили, Марковых, Воробьевых, Семеновых, Спиридоновых, Кожиных и Казанцевых [12, с. 65]. Количество русских в МНР (по данным середины 1950-х гг.) составляло 10 тыс. человек. Именно ими был создан первый на территории МНР «совхоз-миллионер». До 1970-х гг. они находились в Монголии в качестве апатридов, лишь в 1971 г. им были выданы общегражданские загранпаспорта [22, с. 122]. Как свидетельствует источник РПЦ: «Вторая волна переселенцев связана с развитием советско-монгольских золотодобывающих концессий. Коллективизация начала 30-х гг. и голод в Сибири стали причиной переселения в Монголию третьей волны эмигрантов: крестьян, русских, украинцев и бурят (до 1934 г. советско-монгольская граница фактически оставалась открытой). Потомки этих выходцев из России и составили так называемое „местнорусское» население Монголии – полиэтническую общность, которую в основном сформировали дети от смешанных русско-китайских и русско-монгольских браков. На протяжении семидесяти лет они находились достаточно в униженном положении. Советский Союз и Монголия их не признавали» [17].

Противоречия в идентификации

Итак, основной категорией, определяющей представителей русской диаспоры в Монголии, был концепт «местнорусские». Термин «местнорусские» помимо Монголии распространен в Китае, а также в Русском Устье (Якутия, РФ). В монгольском эквиваленте они именовались «местныорос», «нутгийнорос», и представляли собой метисную группу русскоязычного населения Монголии. Процесс метисации происходил в основном с китайцами и бурятами, что отдаляло их как от принимающего сообщества, так и от страны исхода. Русские, китайцы и буряты в социалистической Монголии были близки в силу того, что именно они приняли на себя первыми всю тяжесть политических репрессий, фактически став изгоями. Результатом этого стало сближение этих групп населения, помимо всего имевших тесные культурные связи. Так, в начале XX в. большинство китайцев Забайкалья свободно говорили по-русски, имели русские имена, некоторые были крещеными [12, с. 64], вследствие этого дети от таких браков традиционно, еще со времен Российской империи, записывались как «русские».

Другим названием местнорусских, также по аналогии с Китаем, было «семеновцы» [1, с. 142–151]. Оно стало широко употребляться со второй половины 1960-х гг. в связи с массовым появлением в стране советских специалистов. Говоря «семеновцы», подразумевали потомков казаков атамана Г. М. Семенова, отступившего после поражения в Гражданской войне в Маньчжурию. В Монголии «семеновцев» не было и не могло быть. На территории этой страны сражались подразделения белых генералов А. С. Бакича, А. П. Кайгородова, Р. Ф. Унгерна, но не Семенова [см. 3]. Тем не менее, в период пика советского военно-политического присутствия в этой стране с 1966 по 1989 г. наиболее распространенным в среде граждан СССР было наимено-

вание «семеновцы». Об этом свидетельствуют материалы воспоминаний советских специалистов: «У нас их называли либо „семеновцами“ (в большинстве случаев, что не совсем верно, но сленг есть сленг), либо просто „русские“, „русские из Монголии...“. Термина „местнорусские“ за три года не слышал. Ну и посему этот термин „местнорусские“ большинству знаком не был, хотя по смыслу был бы понятен. Мы с ними почти не пересекались. Так, на уровне случайного знакомства, иногда у кого-нибудь переходящего в дружбу. Еще раз повторю, что у нас имело хождение выражение „семеновцы“ [13]. Тем не менее, к концу 1970-х гг. некоторые местнорусские пользовались этим названием для противопоставления себя «советским» в конфликтных ситуациях. В свою очередь советские специалисты, въезжавшие в страну, подвергались тщательному идеологическому воздействию. Оно выражалось в инструктаже в партийных органах, в КГБ, в подразделениях МИД. В ходе этих мероприятий въезжающих из СССР «предупреждали о нежелательности контактов с местными семеновцами» [13]. При этом наиболее опасные антисоветские элементы в МНР были уничтожены еще в 1938 и 1946 г.

Находясь на протяжении длительного времени в инокультурном окружении, местнорусские Монголии стали сплоченной группой с высоким мобилизационным потенциалом. Взаимовыручка была важна для выживания при столкновениях с органами госбезопасности в послевоенные годы, с монгольским населением и советскими специалистами. Материалы воспоминаний о событиях тех лет свидетельствуют следующее: «Единственное качество, которым они обладали вопреки принадлежности к русским – это сплоченность. Если вдруг кто-то отделал местного один на один, то будьте уверены – завтра на разборки придет вся деревня. Семеновцы они или нет – сейчас мне трудно высказать свое мнение. Но тогда ходило твердое убеждение, что „да“, бывшие семеновцы и их потомки. Рассказываю все это, потому что знал близко очень многих из них. Хранители русских традиций? – может быть. Но почему-то большинство местнорусских, с которыми приходилось сталкиваться в школе – раздолбаи. На самом деле – достаточно своеобразная прослойка в Монголии. Называли их местначами, и у меня, честно говоря, уважения большинство из них не вызывали. Православную веру сохранили, русскоязычность сохранили, избы рубили, хлеб сеяли (вся мудрость от земли), самогонку гнали, жили или выживали общинами, словом, сохранили быт предков. Параллельно произошел процесс смешивания кровей, сильные азиатские гены доминируют в следующих поколениях, но основа, сущность – русская» [13].

Что касается самоназвания, то сами представители изучаемой группы чаще всего называли себя русскими, иногда с поправкой «местные». Для большинства из них была важна причастность к Родине – к СССР. Многие были участниками важных в судьбе этого государства политических событий и разделяли чувство гражданской ответственности за свою страну. Об этом свидетельствуют материалы воспоминаний, особенно касающиеся событий Великой Отечественной войны. Ниже хотелось бы привести нарратив, наиболее полно характеризующий данное утверждение: «Для начала хочу пояснить

всем, что все „местные“ русские (за исключением единиц, которые принимали гражданство Монголии) были гражданами СССР и имели общегражданские заграничные советские паспорта с отметкой о постоянном проживании в Монголии, и имели разрешение на постоянное проживание со стороны монгольских властей. Говорить о наличии среди нас „белых“, „красных“ не приходится. В период гражданской войны и последующие годы оные просто были уничтожены. По рассказам бабушек и дедушек, приходили в деревню „белые“, согнали всех подозрительных в зимовье и сожгли (достоверный факт). Приходили в деревню „красные“, всех подозрительных забрали и они исчезли в неизвестном направлении (за исключением парочки человек, которым удалось впоследствии вернуться инвалидами, один вернулся с трубкой в горле, ходили слухи, что над ним проводили эксперименты). В Монголии в городе Н... была могила с памятником и надписью „Красному командиру...“, который влюбился в „местную“ девчонку, женился и остался в Монголии жить, за что был лишен всех званий и наград. Жена его, пожилая бабка, была нашей соседкой. В 1942 г. многие наши отцы или деды были призваны в армию и защищали Россию. „Семеновцами“ нас окрестили „с промытыми перед выездом за границу мозгами“ советские специалисты (не хочу никого обидеть или оскорбить, но знаю, что так было с достоверных слов политработника), которые приезжали работать по контракту, но по причинам политкорректности называли нас „местными-русскими“. Монголы нас обычно изначально называли просто русские (орос), но впоследствии выражение „местный орос“ с подачи русских специалистов (или видя их отношение) стало звучать в отдельных случаях как оскорбление. Может еще потому, что мы на это обижались. Мое сложившееся мнение, что изначально массовое переселение происходило в период голодовки в СССР в 30-е гг., когда и четкой границы между Россией и Монголией не было. А в Монголии были свободные земли, не было ограничений на ее использование: работой и живи. Большинство наших бабушек, дедушек, прабабушек были родом из приграничных поселков с Монголией (названия которых до сих пор есть на карте России). После образования границы мы и оказались по разные стороны, и дальнейшее переселение которых уже проходило по пути, во времени и вслед за цивилизацией: Алтан-Булаг – Сухэ-Батор – Зун-Хара – Улан-Батор – Дархан. Первый муж моей бабушки погиб в 1914 г. на Первой мировой войне. Это тоже говорит о том, что до революции они проживали на территории России» [13].

Политический статус мигрантов

В практике советской юриспруденции 1920–1950-х гг. существовала категория «поражения в политических правах». Она являлась видом уголовного наказания за антисоветскую деятельность. В политических правах ущемляли так называемых «врагов народа»: бывших дворян, белогвардейцев, кулаков и прочие «антисоветские элементы». В данный разряд попали и местнорусские Монголии, которые, несмотря на разнородный состав, по мнению советских властей, были объединены общей нелояльностью к правящему режиму в СССР. Этим людей лишали избирательных прав, права въезда в СССР, права декларировать советское гражданство. Участники Великой Отечественной

войны из числа местнорусских были лишены привилегий для ветеранов ВОВ [19, с. 133]. Дети не имели права участия в пионерских и комсомольских организациях, а впоследствии и членства в КПСС. Это серьезно ограничивало их возможности для вертикальной мобильности. Хотя многим из них все же удалось получить высшее образование в вузах Монголии и занять соответствующее место в обществе. Доступ к образованию был возможен лишь благодаря парадоксам культурной революции в МНР. Дело в том, что монгольские араты неохотно отдавали детей для обучения в вузах. Это было обусловлено потребностями ведения скотоводческого хозяйства. В то же время существовал государственный заказ, продиктованный необходимостью социалистической модернизации, требовавший высококвалифицированные кадры в промышленных масштабах [19, с. 133]. В итоге многие представители местнорусского населения получили высшее образование в вузах Улан-Батора, хотя путь в политическую элиту им был закрыт, а оплата труда оставалась сравнительно низкой. По данным на середину 1970-х гг., 60 % местнорусского населения МНР (граждан СССР, постоянно проживающих в Монголии, – термин советской статистики. – *А. М.*) имело среднее техническое и высшее образование [см. 20].

В то же время большинство местнорусских исповедовали православие. В этой ситуации лояльность к СССР вступала в противоречие с отсутствием свободы вероисповедания. В условиях инокультурного окружения сохранение религии и русского языка позволило местнорусским избежать утраты русской идентичности. Широкое распространение среди местных русских имеет генеалогическая легенда о девочке, с иконкой бежавшей из СССР в МНР и вышедшей замуж за китайца, впоследствии принявшего православие [13]. От этого брака ведет происхождение несколько местнорусских семей. Православие сыграло важную роль в жизни общины и сохранилось в их среде до 2000-х гг., несмотря на отсутствие священников и храмов (последняя служба в Улан-Баторе проходила в 1927 г.) [17, с. 2].

Лояльность представителей русской диаспоры к СССР снижалась еще и за счет негативного опыта взаимодействия с советской администрацией в МНР. Лишь в 1990-е годы были реабилитированы репрессированные участники ВОВ, жившие в Монголии: это прежде всего находившиеся в плену, в окружении, нарушившие директиву № 227 «Ни шагу назад!» и т. д. Многие из них отбывали наказания в исправительно-трудовых лагерях МНР, а по истечении срока остались жить и трудиться в этом государстве (например, Герой Советского Союза П. Удомцев, бежавший из мест заключения и скрывавшийся в лесах Монголии до 1980-х гг.) [15, с. 125–126].

Факт существования местнорусского населения замалчивался и на межгосударственном уровне вплоть до 1990-х гг. Выданные в 1971 г. загранпаспорта лишь частично решали проблему. Юридически такой группы населения не существовало, ее фиксировала лишь монгольская статистика. На наш взгляд, советские власти поддерживали мнение о белой эмиграции лишь для того, чтобы скрыть факты, связанные с репрессиями в МНР. Говорить о филиале советского ГУЛАГа в Монголии до конца 1980-х гг. было не принято.

Окончательно статус русской диаспоры в Монголии был определен лишь в 2000 г. в ходе российско-монгольских переговоров [5, с. 22–28].

Коллективная память

Воспоминания представителей данной группы русской эмиграции тесно связаны с политическими событиями в истории СССР. Большой нарратив связан с воспоминаниями о гражданской войне в Забайкалье и Монголии. Это особенно важно, так как русское кладбище Улан-Батора хранит очень много исторических свидетельств того времени. В материале воспоминаний одного из представителей русской общины Монголии изучаемого периода мы можем встретить следующее: «Те, кто жил или ездил гулять в Улан-Батор, наверняка, видели Русское кладбище. Недалеко от Штаба Армии, Госпиталя „пересылки“. Район, если мне не изменяет память, назывался „Шархан“ или что-то созвучное. Кое-какие намогильные памятники имели весьма старое происхождение. Хотя в памяти как раз лучше всех помнится памятник именно участнику Гражданской войны со стороны „белого движения“. Самый большой был. Надпись гласила: „Князю Бельскому, погибшему в боях с большевиками“. Была почти затерта. Но памятник все ж оставлен» [13].

Сходный материал прослеживается и у ряда других авторов. Говоря о себе, местнорусские отмечают предубеждение к ним со стороны граждан СССР. Сообщество русских, постоянно проживавших в МНР, не было однородным: там были потомки белогвардейцев, русских колонистов, беженцев, заключенных, советских солдат, оставшихся в стране после Халхин-Гола. Соответственно и коллективная память этих людей содержит воспоминания о событиях в отечественной истории, о которых стало известно лишь в 1980–1990-е гг. Все это было основой непонимания и конфликтов с советскими специалистами, приехавшими в Монголию. В своих воспоминаниях один из представителей диаспоры, полемизируя со «спецами», пишет: «Откуда вы что-то будете знать о нас, если, мягко говоря, сторонились нас? Мы же „семеновцы“, „белогвардейцы“! Мы для вас (граждан СССР, приехавших временно в МНР) были „предателями“ – вы не совсем правы. В этом мире есть не только два цвета: белый и черный. Не стоит забывать, какое тогда было время. Воспитаны были на фильмах о гражданской войне. У многих, приехавших в Монголию, предки находились по разные стороны баррикад. У моего друга детства прадед служил есаулом у Унгерна. Уходил с его отрядами в Монголию. Затем, передумав, вернулся в Россию. Чуть не был расстрелян, отсидел. Остался жить в Монголии... В 1978 году он был еще крепким стариком и рассказывал немало... Гражданская война – мясорубка, и крутили ее ручку все» [13].

Также нужно отметить и другой важный аспект коллективной памяти – это память о Родине. В 1941 г. из Монголии на фронт ушло 5000 человек, из которых 3000 погибло [19, с. 133]. По сей день ветераны Великой Отечественной войны в Монголии отмечают День Победы на государственном уровне. В праздничных мероприятиях участвуют представители российского МИДа и монгольские военные. Благодаря победе во Второй мировой войне МНР получила признание как независимое государство (до этого времени

Китай заявлял лишь о ее автономии). Таким образом, местнорусские защищали не только свою историческую родину СССР, но и отстаивали независимость Монголии. Все это находит свое отражение в политике исторической памяти, поэтому в Монголии все еще существуют музей Г. К. Жукова и памятники советским солдатам [14, с. 212–216]. В русскоязычной прессе Улан-Батора об этих событиях можно прочесть следующее: «Монгольский народ как героев встречал возвращающихся русских солдат. Отдавая долг героизму местнорусских, монгольское государство, справедливо признавая, что на фронтах Великой Отечественной эти солдаты защищали не только землю России, но и отстаивали свободу и независимость далекой Монголии, взяло на себя заботу о потерявших отцов семьях фронтовиков. Русские ветераны Отечественной войны приравнены к ветеранам Монгольской армии» [21, с. 5].

Итак, к середине 1960-х гг. местнорусское население Монголии представляло собой сплоченную и достаточно многочисленную группу населения. Данная солидарность опиралась не только на коллективную память, но и на общий опыт, полученный в результате уже упоминавшихся событий XX в. Фактически это была история одного-двух поколений, на глазах которых сформировалась эта особая общность русскоязычного населения. К моменту массового приезда в Монголию советских специалистов в конце 1960-х гг. местнорусские выработали не только практики адаптации к принимающему сообществу, но и механизм противодействия агрессивной среде.

Другим аспектом было отношение к Монголии как во второй Родине, как отметил один из представителей этого сообщества: «Тот, кто там родился русским, он будет считать Монголию своей Родиной. В 16-й республике Советского Союза не было слова „эмигрант“. А был братский народ» [13]. Общность истории местнорусских и монголов фактически противопоставляла их приезжавшим из СССР советским специалистам, навязывавшим свое видение исторического пути МНР. Более того, политика пролетарского интернационализма зачастую входила в противоречие с повседневностью отношений между гражданами СССР и монголами. Неприятие культуры и традиций вело к возникновению конфликтов. Их причины кроются в истории советской интернациональной миссии в Монголии, содержавшей не только положительные моменты. Ее негативными проявлениями были ссылка, репрессии, насильственная модернизация, т. е. все то, чему живым свидетельством были местнорусские Монголии.

В представленной работе мы проанализировали истоки формирования русской диаспоры в Монголии. Ее развитие было обусловлено факторами, возникшими в первой половине XX в. В их числе – социальное исключение и отсутствие четкого правового статуса. Именно в это время сформировался особый мир русской диаспоры в Монголии с его мифами, исторической памятью, многообразием идентичностей. «Местнорусские» и «семеновцы» – это совершенно различные и часто взаимоисключающие названия, которые встречаются в литературе по истории русских в Монголии. Разрешить это противоречие практически невозможно, потому что каждая категория в от-

дельно взятом случае имеет право на существование, но все же не может быть распространена на всю группу сразу.

Социалистическая модернизация и связанные с ней проекты (коллективизации и индустриализации) оказали большое влияние на положение местнорусских Монголии. Под воздействием этих преобразований сформировались их идентичность и коллективная память. Мы попытались проанализировать данные факторы и охарактеризовать группу в целом, провести аналогии. Основным вывод очевиден: «местнорусские» – это стигматизированная идентичность, возникшая под давлением советских властей. Она окончательно оформилась к концу 1960-х гг. под давлением советских специалистов. Вынужденные противопоставлять себя последним, «местнорусские» стали ощущать себя именно *местными русскими* в отличие от «приезжих» из СССР. В дальнейшем они стали рассматриваться советскими властями как особая категория населения, отличная от «обычных» граждан СССР в Монголии. При этом созданная в этих условиях классификационная категория приобрела полуофициальный статус. Сегодня этот термин используется в науке, публицистике, в СМИ, благодаря чему идентичность местнорусских получила толчок к развитию и приобрела новую форму. В XXI в. она все в меньшей степени представляет собой групповую солидарность людей, объединенных потребностью выживать в жестких условиях социалистической модернизации.

1. *Аурилене Е. Е.* Правовое положение русских в Маньчжурии (1920-е годы) / Е. Е. Аурилене, Е. А. Сергиенко // Проблемы Дальнего Востока. – 2007. – № 6. – С. 142–151.

2. *Башаров И. П.* Русские Внутренней Монголии: краткая характеристика группы // Азиатская Россия: миграция, регионы и регионализм в исторической динамике. – Иркутск, 2010. – С. 301–308.

3. *Белов Е. А.* Барон Унгерн фон Штернберг. Биография. Идеология. Военные походы 1920–1921 гг. / Е. А. Белов. – М., 2003. – 240 с.

4. *Ганжуров В. Ц.* Россия–Монголия (на трудном пути реформ) / В. Ц. Ганжуров. – Улан-Удэ, 1997. – 107 с.

5. *Гольман М. И.* Россия и Монголия после визита В. В. Путина // VIII Международный конгресс монголоведов. – М., 2002. – С. 22–28.

6. *Даревская Е. М.* Сибирь и Монголия: очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX веков / Е. М. Даревская. – Иркутск, 1994. – 400 с.

1. *Aurilene E. E.* Legal status of the Russians in Manchuria (1920s) / E. E. Aurilene, E. A. Serguienko // Problems of the Far East. – 2007. – N 6. – P. 142–151.

2. *Basharov I. P.* Russians in the Inner Mongolia: a brief characteristic of group // Asian Russia: migration, regions, regionalism in historical dynamics. – Irkutsk, 2010. – P. 301–308.

3. *Belov E. A.* Baron Ungern von Shternberg. Biography. Ideology. Military campaigns in 1920–1921s / E. A. Belov. – M., 2003. – 240 p.

4. *Ganzhurov V. Ts.* Russia-Mongolia (The difficult way of reform) / V. Ts. Ganjurov. – Ulan-Ude, 1997. – 107 p.

5. *Golman M. I.* Russia and Mongolia after Putin's visit // VIII International Congress of historians of Mongolia. – M., 2002. – P. 22–28.

6. *Darevskaya E. M.* Siberia and Mongolia: essays on Russian-Mongolian relations in the XIXth – XXth c. / E. M. Darevskaya. – Irkutsk, 1994. – 400 p.

7. *Edinarkhova N. E.* The Russians in Mongolia: main periods and form of

7. *Единархова Н. Е.* Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.) / Н. Е. Единархова. – Иркутск, 2003. – 250 с.
8. *Курас Л. В.* О переходе бурят в Монголию // Байкал. – 1991. – № 5. – С. 128–130.
9. *Лиштованный Е. И.* От великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии / Е. И. Лиштованный. – Иркутск, 2007. – 198 с.
10. *Ломакина И. И.* Монгольская столица, старая и новая / И. И. Ломакина. – М., 2006. – 222 с.
11. *Лузянин С. Г.* Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.) / С. Г. Лузянин. – М., 2007. – 447 с.
12. *Маслов А. И.* История образования российской диаспоры в Монголии / А. И. Маслов // Русские в Монголии. – Улаанбаатар, 2009. – С. 62–69.
13. Сайт местнорусские, кто они? Хранители русских традиций [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ulanbator.ru/phpBB2/viewtopic.php?t=413&postdays=0&postorder=asc&highlight=%EC%E5%F1%F%ED%EE%F0%F3%F1%F1%EA%E8%E5&start=840>
14. *Михалев А. В.* Советские мемориалы в Монголии: коллективная память и борьба за символическое пространство // Диаспоры. – 2009. – № 2. – С. 208–232
15. Монголия и Россия: Вечные соседи. – Улаанбаатар, 2009. – 211 с.
16. *Старцев А. В.* Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.) / А. В. Старцев. – Барнаул, 2003. – 308 с.
17. *Трубач А.* История и современное положение православия в Монголии // Троица. – 2010. – № 12 (июнь). – С. 2.
18. *Трубач А.* Православие в Монголии на современном этапе [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pravostok.ru/ru/conference/ch_fareast/conf_3/?id=28.
19. *Усова Н. В.* The Russian citizens, permanently living in Mongolia, contributed hugely in country's development // The Russians in Mongolia. – Ulaanbaatar, 2009. – P. 130–138.
- economic activity (1861–1921s) / N. E. Edinarkhova. – Irkutsk, 2003. – 250 p.
8. *Kuras L. I.* On the Buryats migration to Mongolia // The Baikal. – 1991. – N 5. – P. 128–130.
9. *Lishtovanniy E. I.* From the Great Empire to the democracy: essays on Mongolian political history / E. I. Lishtovanniy. – Irkutsk, 2007. – 198 p.
10. *Lomakina I. I.* The old and new Mongolian capital / I. I. Lomakina. – M., 2006. – 222 p.
11. *Luzyanin S. G.* Vladimir Putin's eastern policy. Russia retrieves to «the Large East» (2004–2008s) / S. G. Luzyanin. – M., 2007. – 447 p.
12. *Maslov A. I.* History of Russian diaspora foundation in Mongolia // The Russians in Mongolia. – Ulaanbaatar, 2009. – P. 62–68.
13. Site Local Russians, who are they? The Russian traditions keepers [Online resource]. – URL: <http://www.ulanbator.ru/phpBB2/viewtopic.php?t=413&postdays=0&postorder=asc&highlight=%EC%E5%F1%F%ED%EE%F0%F3%F1%F1%EA%E8%E5&start=840>
14. *Mikhalev A. V.* Soviet memorials in Mongolia: collective memory and struggles for symbolic space // Diasporas. – 2009. – N 2. – P. 208–232
15. Mongolia and Russia: Permanent neighbors. – Ulaanbaatar. – 211 p.
16. *Startsev A. V.* Russian trade in Mongolia (the second half of the XIXth – early XXth c.) / A. V. Startsev. – Barnaul, 2003. – 308 p.
17. *Trubach A.* History and contemporary condition of the Orthodoxy in Mongolia / A. Trubach // Trinity. – 2010. – N 12 (June). – P. 2.
18. *Trubach A.* The Orthodoxy in Mongolia nowadays [On-line resource]. – URL: http://www.pravostok.ru/ru/conference/ch_fareast/conf_3/?id=28.
19. *Usova N. V.* The Russian citizens, permanently living in Mongolia, contributed hugely in country's development // The Russians in Mongolia. – Ulaanbaatar, 2009. – P. 130–138.

19. Усова Н. В. Постоянно проживающие в Монголии российские граждане внесли большой вклад в ее развитие // Русские в Монголии. – Улаанбаатар, 2009. – С. 130–138.

20. Цэцэгма Т. Демографическая характеристика русской общины г. Улан-Батора // Русские в Монголии. – Улаанбаатар, 2009. – С. 75–84.

21. Чураков С. Русская община в Монголии отправила своих сыновей на защиту Монголии // Вестн. центра «Москва–Улаанбаатар» (прил. к газ. «Монголия Сегодня»). – 2005. – № 3. – С. 5.

22. Шагдуров Ю. П. Православная церковь в Монголии // Цивилизационные процессы на Дальнем Востоке: Монголия и ее окружение : материалы научных круглых столов. – М., 2005. – С. 120–122.

20. *Tsetsegma T.* Demographic Characteristic of the Russian community in Ulaanbaatar // *The Russians in Mongolia.* – Ulaanbaatar, 2009. – P. 75–84.

21. *Churakov S.* The Russian community in Mongolia has sent their sons to the Mongolian military service // *The News of the Center «Moscow–Ulaanbaatar.* – 2005. – N 3. – P. 5.

22. *Shagdurov U. P.* The Orthodoxy in Mongolia // *Civilization processes in the Far East: Mongolia and its neighbors. Collection of Scientific Papers.* – M., 2005. – P. 120–123.

From Siberia to Mongolia or the Russians as a Minority under Socialist Modernization

A. V. Mikhalev

Buryat State University, Ulan-Ude

The article deals with the study of local Russian population of Mongolia during the socialist period. It examines the key stages of the Russian diaspora formation in the Mongolian People's Republic. Issues of the legal, political and civic status of the migrants are studied. The article is based upon the published memoirs as well as data from the Internet forums dedicated to problems of the Russians in Mongolia. Besides the parish data of the Russian Orthodox Church in Ulan-Bator is used.

Key words: local Russians, Mongolia, identity, colonization.

Михалев Алексей Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Бурятского госуниверситета, 670023, г. Улан-Удэ, ул. Толстикова 2-2, тел. 89085994512, e-mail: mihalew80@mail.ru

Mikhalev Alexey – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Public and Municipal Administration, the Buryat State University, Ulan-Ude, Tolstikhin St. 2-2, phone 89085994512, e-mail: mihalew80@mail.ru